

Чем более открыто он себя вел, тем меньше в его поведении было видно признаков беспокойства, словно он был просто нерадивым младшим товарищем, который решил подшутить над старшекурсником.

Мо Синчжи пытался поймать курицу, но потерял и рис: сам предложил пари, теперь приходится доводить дело до конца.

Он кивнул, хотя в голове крутились неизвестные мысли:

— Ты слишком любопытен, всё хочешь попробовать... Ладно, ладно, только потом не жалуйся, что устал.

— Разве можно устать, служа старшему брату? — Ван Цзысяо хитро улыбнулся. — Сначала иди помойся, а потом жди меня на кровати. И не забудь раздеться догола.

Мо Синчжи уже справился с неловкостью и, услышав это, не растерялся:

— Раздеваюсь так раздеваюсь, всё равно я не розовый цвет сакуры.

— Как ты до сих пор помнишь это! — Ван Цзысяо пригрозил ему. — Не забывай, что сейчас я держу нож, а ты — рыбу. Ты уверен, что хочешь меня обидеть сейчас? Я не только любопытен, но и мстителен!

Мо Синчжи не сдался:

— Мы ведь не один раз будем спорить, просто помни, что впереди еще много времени. Как говорится, оставляй человеку путь для отступления, чтобы потом было легче встретиться...

— ...Я заметил, что наш разговор больше похож на бандитский жаргон, хахаха! — Ван Цзысяо рассмеялся и первым направился в свою спальню. — Какая разница, что будет завтра, я верю только в «сегодня есть вино — сегодня и пей». Старший брат, сейчас я буду тебе очень признателен.

Мо Синчжи остался стоять на месте, наблюдая за удаляющейся фигурой Ван Цзысяо, пока она не исчезла из виду, и только тогда направился в свою комнату.

Во время душа он, сам не зная о чем, начал думать о разных вещах, и его непослушный братец вдруг встал. Когда он был спокоен, его размер уже впечатлял, а теперь, когда он возбудился, даже трусы надеть стало невозможно.

Не оставалось ничего другого, как воспользоваться правой рукой, чтобы хоть как-то успокоить его.

Возможно, он задержался слишком долго, потому что снаружи раздался стук Ван Цзысяо:

— Старший брат, ты еще не закончил? Слишком долго! Не пытайся увильнуть, это бесполезно!

— Не торопи, уже почти готов! — Мо Синчжи, слегка смущенный, снова ополоснулся, завернулся в халат и задумался, стоит ли надевать трусы. Если наденет, это будет выглядеть как попытка скрыть, а если не наденет, не покажется ли это слишком поспешным?

...В итоге он все же надел их.

С его актерским мастерством, когда он не хотел показывать слабость, его аура могла

впечатлить кого угодно.

Он гордо шагнул, не глядя по сторонам, спокойно сел на кровать и повернулся к Ван Цзысяо с самым естественным выражением лица.

Но, увидев, как выглядит Ван Цзысяо, он чуть не потерял самообладание.

— Ты зачем это надел?

На Ван Цзысяо была та самая роскошная вечерняя одежда, которую днем носил второй молодой господин Вэнь на съемках.

Он, очевидно, тоже помылся, от него исходил свежий аромат геля для душа, и в теплом свете спальни этот наряд, столь неуместный, только добавлял атмосфере нотку скрытой интимности.

— Я подумал, что во время массажа мы могли бы еще и повторить сцены. Так будет проще вжиться в роль, правда, старший брат?

Мо Синчжи почувствовал, как у него начинает болеть голова:

— Если хочешь повторить сцены, не обязательно так наряжаться...

Особенно раздражало, что этот проказник постоянно называл его старшим братом, словно они были теми самыми близкими братьями из фильма. Затем он почувствовал странный прилив тепла, и ему стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля.

— Сними это, а то испачкаешь.

— Не волнуйся, я буду аккуратен.

Ван Цзысяо поднял флакон с массажным маслом, слегка отступил назад и вежливо поклонился Мо Синчжи:

— Уже поздно, теперь, пожалуйста, сними одежду и ложись на кровать.

Мо Синчжи: ...

Ван Цзысяо подождал несколько секунд, но не увидел никаких движений. Он поднял бровь:

— Старший брат, ты хочешь, чтобы я сам снял с тебя одежду? Ладно...

Мо Синчжи поднял руку, чтобы остановить его:

— Не нужно, я сам.

Сделав глубокий вдох, он без колебаний снял халат и бросил его на пол, вместе с только что надетыми трусами. Его птица мгновенно выскочила наружу, и, как и в памяти, она выглядела весьма внушительно...

Спокойно позволяя Ван Цзысяо рассматривать себя, его братец вдруг подергался, словно гордясь своей устрашающей силой, и даже начал проявлять признаки нового пробуждения.

Мо Синчжи, пока еще не потеряв контроля, поднял указательный палец и показал на Ван Цзысяо:

— Небеса справедливы, и никого не щадят. Ты мне еще ответишь.

Ван Цзысяо уверенно улыбнулся:

— Тогда я буду усердно тренироваться, чтобы не отстать от тебя.

В тишине ночной спальни двое стояли друг напротив друга: один одет с иголки, а другой — полностью обнажен. Если бы кто-то увидел эту сцену, он наверняка придумал бы что-то совсем не детское.

Кто бы поверил, что они просто собираются сделать массаж?

Мо Синчжи быстро лег на кровать.

Не то чтобы это было иллюзией, но ему казалось, что ветерок касается его птицы, вызывая легкий зуд...

— Может, я надену трусы?

— Не стоит, мы же договорились, что ты разденешься догола.

— ...Тогда побыстрее.

— Зачем торопиться? Старший брат, ты должен научиться наслаждаться.

Мо Синчжи, открыв глаза, видел перед собой Ван Цзысяо в полном облачении, и его сердце будто царапала кошка. В конце концов, он просто закрыл глаза.

К сожалению, глаза можно закрыть, но уши заткнуть нельзя.

И время от времени низкий, соблазнительный голос Ван Цзысяо ласкал его слух.

— Такой силы массаж нормально?

— Старший брат, почему ты молчишь?

— Может, обсудим сцену, которую будем снимать завтра?

— Или поговорим о ювелирном доме «Императорский род»? Что ты знаешь об этом бренде?

— Старший брат?

Сначала Мо Синчжи еще мог сдерживаться и отвечать.

Но по мере того как время шло, он просто лежал на кровати, притворяясь мертвым.

Потому что, если бы он заговорил, то точно выдал бы что-то... очень неприличное.

Да, у него была реакция.

Не та легкая реакция, которая была в ванной, когда можно было справиться с помощью правой руки.

Неизвестно, где этот проказник научился такому массажу.

Каждое его движение будто разжигало огонь.

Эти огни сжигали его самоконтроль, порождая в нем демонов, и он едва сдерживался, чтобы не перевернуться и не схватить эти беспокойные руки, а затем преподать их владельцу суровый урок!

Нужно было всего чуть-чуть больше стимула...

Но, к сожалению, этот последний стимул все не приходил.

Словно вода в кастрюле, которая вот-вот закипит, но крышку сняли, а под ней осталась только одна щепка, и этот огонь мог лишь поддерживать текущую температуру, но не мог сделать больше.

И это держало его в подвешенном состоянии!

Заставляло сходить с ума, заставляло метаться, заставляло продолжать лежать и страдать...

Не раз Мо Синчжи клялся про себя, что он ему еще ответит.

Но в его затуманенном сознании он не мог решить, что же сделать с этим проказником.

И вдруг перед его глазами расцвел сад сакуры...

Ван Цзысяо наконец осуществил свою заветную мечту, которую он лелеял более десяти лет.

Он не только ощупал все тело Мо Синчжи — да, включая его уже готовую взлететь птицу.

Ни один дюйм не остался без внимания.

Под мягким оранжевым светом спальни, все тело Мо Синчжи, покрытое маслом, выглядело настолько красиво, что захватывало дух.

После спины пришла очередь живота.

— Эй, старший брат, у тебя отличное тело, но через пару лет я тоже не отстану...

— Не стесняйся, в прошлый раз, когда ты делал мне массаж, у меня тоже встал. Потом я почитал, и оказалось, что в нашем возрасте такие импульсы — это нормально. Если во время массажа встает, это значит, что массажист очень мастерски работает! Но кроме меня, тебе лучше никого не искать для такого массажа, потому что, увидев тебя в таком виде, кто сможет удержаться?

Продолжая болтать о заботе о целомудрии Мо Синчжи, Ван Цзысяо еще и притворился, что признается:

— Так что мне повезло, что у меня такая сила воли! Старший брат, тебе, наверное, тяжело с этим стояком? Давай я помогу тебе выпустить его.

<http://bllate.org/book/16623/1521929>